

## ЛЕОНУ ВЕРТУ

**П**рошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый — мой самый лучший друг. И ещё: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И наконец, он живёт во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень





нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящу книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

**ЛЕОНУ ВЕРТУ,**

когда он был маленьким.







**К**огда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя.

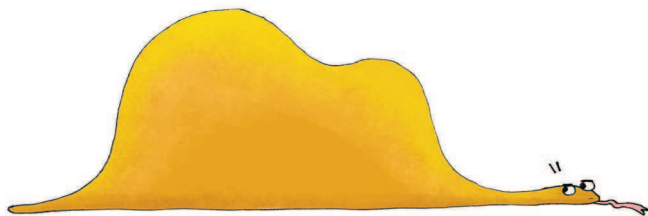
Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».



Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1.

Вот что я нарисовал:

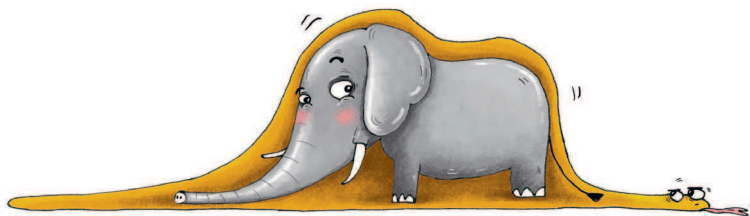


Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно всё объяснять.

Вот мой рисунок № 2:



Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей,

арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути.

На своём веку я много встречал разных серьёзных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил

с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звёздах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.



**Т**ак я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолёта. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.







Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья.

Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту среди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

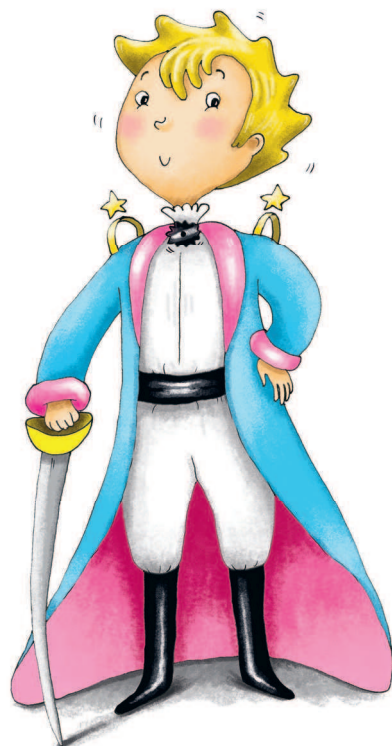
— Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Начал осматриваться. И вижу — стоит необыкновенный какой-то малыш и серьёзно меня разглядывает. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые внушили мне, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребёнок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья.



Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться.





Хоть и нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

— Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать, — удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

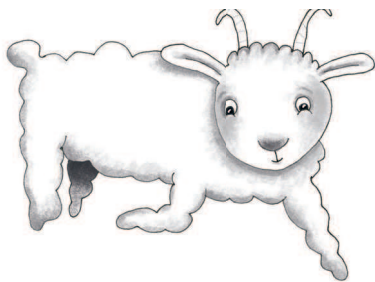


— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома всё очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек совсем хилый. Нарисуй другого.



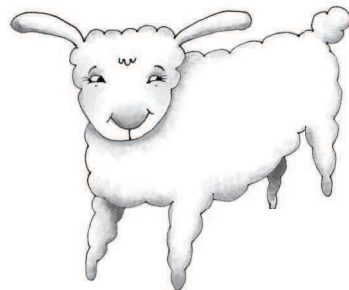
Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому.

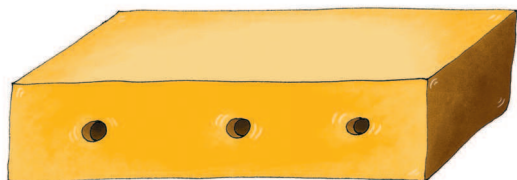
Но он и от этого рисунка отказался:





— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь надо было поскорее разобрать мотор — и нацарапал вот что:



И сказал малышу:


— Вот тебе ящик. А в нём сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?

— А что?

— Ведь у меня дома  всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка. 

— Не такого уж маленького... — сказал он,



наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Мой барашек уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.



**Н**е скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чём-нибудь, он будто и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом обронённых слов мне всё открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил, что умею летать. Тогда малыш воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.